

СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВ СОВЕТСКОГО ПРАВА (1917–1920)

А. ЯРМЫШ

*доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент НАПрН Украины,
заведующий отделом докторантуры
(Киевский международный университет)*

Февральская революция стала одним из переломных моментов в истории всех народов, которые были объединены под короной Российской империи за столетия ее существования. Династия Романовых, которая властвовала более трех веков, присоединяя все новые и новые территории, продвигая границы во все стороны света, создав крупнейшую империю в мире, оказалась не в состоянии пережить системный кризис, вызванный пороками предшествующего развития и Первой мировой войной. В начале марта 1917 г. сначала правящий император Николай II, а потом и его брат Михаил отреклись от престола. Бывшая Российская империя стала на путь республиканского развития, демократических преобразований, который в силу ряда объективных и субъективных факторов оказался дорогой к хаосу и войне.

Начиная с отмены крепостного права в 1861 г., в Российской империи протекали сложные и противоречивые социально-политические процессы. Идеология «единой и неделимой» России, консервирование пережитков, половинчатость реформ, неготовность политической элиты к назревшим неотложным и системным преобразованиям привели к сложным и неуправляемым процессам. Политическое банкротство консервативно-монархических сил, безответственность либералов наряду с многолетним негативным опытом привыкания общества к радикально-революционным методам политической борьбы соседствовали с лавиноподобной дискредитацией всех основных государственно-правовых институтов.

Февральская революция 1917 г., и это признавала еще советская историография, «... привела в движение широкие народные массы, которые, выйдя на арену политической борьбы, с огромной энергией смешали царскую власть и осуществляли самостоятельным путем демократические свободы» [1, 19].

Притом, что сформировавшаяся преимущественно в течение пореформенной истории Российской империи правовая система продолжала сохраняться (некому и некогда было разрабатывать и вводить какие-либо кардинальные изменения), практика правоприменения показывала, что ослабление государственных институтов привело к нарастанию проявлений правового нигилизма, к тому, что все больше норм позитивного права переставали работать. Смена

© А. Ярмыш, 2013

государственного строя обусловила, в первую очередь, трансформацию государственного права. В прошлое ушли губернские администрации в их дореволюционном виде. Их сменили полупрофессиональные общественные комитеты. Так, в Харьковской губернии был создан Комитет объединенных общественных организаций. Он взял на себя власть в губернии, а его председатель О. Корытин стал губернским комиссаром Временного правительства [2, 93–94].

Фактически в течение несколько дней ликвидирована была общая полиция. «Была снесена и ненавистная всем трудящимся полиция. Революционные массы громили полицейские органы, арестовывали полицейских», — писал известный историк российской полиции и советской милиции Р. Мулукаев [3, 17]. Быстрота и активность процесса ломки полицейской системы не были случайными. Ведь именно общая полиция была наиболее приближенным к населению органом не только правоохранительной (которая, безусловно, имела преимущественно карательный характер [4]), а и правоприменительной направленности. Как следствие, существенно снизилась общественная результативность и административно-правовых, и уголовно-правовых отношений.

Кризис финансовых правоотношений, обусловленный Первой мировой войной, привел к падению эффективности финансово-правовых норм. Это касалось практически всех отраслей публичного права, а постоянное возрастание правового нигилизма на фоне социалистической пропаганды разных оттенков (в том числе украинской национально-социалистической) поставило под угрозу и устойчивость частноправовых институтов.

Сегодня отечественная историография государства и права Украины преимущественно ориентируется на исследование национального правотворчества, осуществлявшегося первой и второй Украинской Народной Республикой (далее — УНР), а в промежутке — Украинской Державой гетмана П. Скоропадского. Однако советская государственно-правовая альтернатива вызрела еще в дооктябрьский период. Можно с полным основанием говорить (и на это указывает значительный научный материал, который может стать предметом специальных исследований) о преувеличении и упрощенном подходе к проблеме некоторых современных авторов, которые относят большевизм к неукраинским, исключительно российским социально-политическим явлениям.

Такое упрощенное видение этого леворадикального движения противоречит, на наш взгляд, хотя бы той внеэтнической популярности, которую оно получило в первой половине XX в. далеко за пределами российского постимперского пространства. В конце концов, украинское национально-демократическое движение было в значительной мере социалистическим (в частности, по партийному составу ведущего представительного органа украинского движения — Украинской Центральной Рады (далее — УЦР). Известное и на сегодняшний день всесторонне, с различных точек зрения исследованное «продвижение» УЦР от общественной организации до украинской предтечи парламентаризма (мы не разделяем мнения о том, что это был украинский национальный парламент) сопровождалось ослаблением государственного аппарата как такового, падением авторитета государства в обществе, нарастанием анархии.

Наряду с этим на просторах бывшей Российской империи усиливалось разочарование в демократических ценностях, не получивших надлежащего государственно-правового оформления. В столицах продолжались политические конфликты правительства — как российское, так и украинское все меньше

контролировали ситуацию на местах, а органы государственной власти и местного самоуправления, с одной стороны, не справлялись с возложенными на них задачами, в частности по обеспечению правового порядка, а с другой — зачастую сами игнорировали предписания закона, а их собственное нормотворчество противоречило ему.

В то же время ослабление эффективности институтов права, действительности юридических норм в регулировании общественных отношений должно было привести, согласно диалектической логике и внутреннему содержанию (с позиции феноменологии) к их замещению другими регуляторами. Это была и криминальная субкультура (ведь именно в революционные времена набрал обороты процесс «совершенствования» квазинорм — «понятий» уголовного мира): «После февраля 17-го убийства в Белокаменной возросли в 10 раз, а раскрываемость их равнялась практически нулю» [5, 8]. Но еще более влиятельным стало возрастание значения различных корпоративных норм. Их источником стало нормотворчество советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — самостоятельных негосударственных субъектов, которые возникли еще в период революции 1905–1907 гг. и возродились после событий февраля 1917 г. практически на всей территории бывшей империи.

Уже с первых дней существования Временного правительства советы имели чрезмерное для негосударственных органов общественное значение и брали на себя весомую часть государственно-властных функций. Именно их избрали большевики во главе с В. Лениным в качестве своеобразного «локомотива» на пути захвата государственной власти с целью дальнейшего построения социализма.

Советская историография в значительной мере преувеличивала роль советов в большевистской реализации лозунгов социалистической революции, однако следует признать, что еще в дооктябрьских советах формировались основы нового, невиданного ранее и принципиально отличного от классических правовых форм советского права. Эти процессы, феноменологическое проявление регулирования общественных отношений через возрастание роли корпоративных норм наряду со снижением собственно государственных, а потом и огосударствление последних, составляют весьма интересный предмет специального исследования. В данном же случае констатируем, присоединяясь к российским авторам: «Советское государство и право, принципиально отличные от всех, существовавших до того времени, родились совсем не случайно. Их возникновение стало следствием действия определенных исторических закономерностей...» [6, 1].

25 октября 1917 г. в результате революционного выступления поддерживавших большевиков советов Временное правительство было свергнуто, его место занял Совет народных комиссаров (далее — СНК), сформированный из представителей Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) во главе с В. Лениным и Л. Троцким. Не только на Украине, но и на большинстве территорий бывшей Российской империи этому событию не слишком много сначала было уделено внимания, но в государственно-правовом измерении оно имело действительно революционизирующее значение. По силе значимости влияния на все мировое развитие Российская революция 1917 г. (есть все основания считать февраль и октябрь этапами одной революции) может быть, по нашему мнению, сравнима разве что с Великой французской

революцией 1789—1793 гг. По-настоящему судьбоносным (если иметь в виду не только пафосно-позитивный смысл, который чаще всего придается этому слову) явлением она стала и в истории украинского народа.

Ход исторических событий периода освободительной борьбы 1917—1920 гг. сегодня общеизвестен. Декабрь 1917 г. ознаменовал первое пришествие советской власти на Украину. К этому времени уже и сама УЦР, не признававшая большевистского правительства в Петрограде, предприняла «весомые» шаги по снижению влияния действующего права на реальные общественные отношения. Ведь если государство, олицетворенное теми или иными органами, которые, по крайней мере, сами позиционируют себя как легитимные, не только не способно обеспечить хоть сколько-нибудь приемлемый правопорядок, но и не может определиться относительно действия источников права и разрешать возникающие коллизии, катастрофические последствия для его существования неминуемы.

О действиях правительства УНР, которые фактически, наряду с правовой разбалансированностью политики Временного правительства, послужили благоприятным фактором для утверждения советской, весьма своеобразной и невиданной дотоле доктрины права, пишет Д. Яневский: «Нарастанию тотального хаоса способствовало и решение Малой Рады от 25 ноября «О праве Украинской Народной Республики». Было установлено, что на время до создания «Российской Федерации» и будущего «разграничения компетенции в сфере законодательства между ней и УЦР или же тем общеукраинским органом, который может ее заменить», действительными на территории Украины признавались все законы российского правительства, изданные до 27 октября, при условии, что они не противоречат Универсалам УЦР. Абсурдность данного решения заключалась, прежде всего, в том, что в условиях развала судебной системы, а также отсутствия высшей судебной инстанции, которая бы могла толковать многочисленные расхождения в законодательстве, действующими признавались законы, принятые теми правительствами — в том числе времен монархии — которые сама УЦР законными признать отказывалась» [7, 147–148].

Несмотря на определенную условность последнего суждения автора, — ведь правопреемственность в системах права Российской империи, национальных государственных образований на ее бывших землях и советской власти является исключительно сложной, интересной комплексной проблемой, — оно достаточно верно отражает тот методологически знаковый момент, что советское право сформировалось и утвердилось, в частности, на украинских землях отнюдь не случайно. Для этого объективно сложились определенные предпосылки.

Советская правовая доктрина не была образована одномоментно, в окончательно сложившемся виде. Большевики во главе с В. Лениным стали первыми в истории человечества, кто, придя к политической власти, попробовал «подогнать» реальную действительность под определенную теоретическую модель, кто кардинально перестроил и экономический фундамент, и политическую надстройку общества, волевым целеполагающим методом изменив его социальную структуру. «Мессианской» теорией социалистической трансформации общества российские коммунисты (это название партия приняла в марте в 1918 г. на VII съезде РСДРП (б)) с самого начала своего существования как политической организации считали марксистскую доктрину.

Современные историки философии в Украине, да и во всем мире, не без основания относят марксизм (диалектический и исторический материализм) к парадигме философского позитивизма. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса является одной из немногих наиболее масштабных и системных попыток выстроить целостную картину мира, опираясь на четко определенные основополагающие моменты. В качестве таковых постулировались экономическое развитие и производственные отношения. Теория о диалектике взаимодействия общественных базиса и надстройки, возведенная на фундаменте гегелевской философии, довольно удачно объясняла немало общественных явлений. Если применительно к предшествующим историческим эпохам, начиная от первобытнообщинного строя и заканчивая периодом феодализма (особенно у восточных цивилизаций), выводы К. Маркса носили весьма условный характер, то относительно домонополистического капитализма они оказались более чем актуальными. Но, несмотря на то, что марксистское учение было позитивистским, зиждущаяся на нем ленинская (большевистская) доктрина государства и права по существу отрицала позитивное право как таковое. Об этом более детально пойдет речь дальше.

Еще летом в 1917 г. В. Ленин в работе «Государство и революция» [8] с упоением развивал марксистскую теорию об отмирании государства как общественного института после победы социалистической революции. В сентябре 1920 г. в своем хрестоматийном выступлении на съезде Русского коммунистического союза молодежи большевистский лидер обещал обуянной коммунистической идеей молодежи жизнь при коммунизме через 10–15 лет. Несмотря на это в стране продолжался процесс «огосударствливания» всех аспектов общественной жизни. РСФСР, как и другие советские республики, в том числе УССР, переживала не имеющий аналогов в истории человечества период «военного коммунизма». Удивительность и одновременно трагичность этого периода заключались в тотальном низложении «буржуазных» устоев общества и государства. Вводился прямой товарооборот, создавались коммуны, большевики доктринально и практически пытались избавиться от отношений собственности, товарно-денежных отношений и т. д.

Начисто отменялись все предыдущие, наработанные веками и тысячелетиями понимание права как универсальной социальной ценности, меры свободы и справедливости. Подвергались сокрушительной критике достижения политической и правовой мысли периода буржуазных революций с их постулатами бесклассовости, формального равенства, одинакового требования закона и права к человеку независимо от его происхождения. Открыто говорилось о ликвидации всех институтов буржуазного государства и права. «Главным заказчиком» формирования новой системы права и в то же время ее демиургом должна была стать диктатура пролетариата как основной инструмент достижения социалистических изменений в обществе после победы пролетариата и беднейшего крестьянства. Выразителями интересов этих общественных слоев большевики провозгласили сами себя (идея о том, что пролетариат не способен выработать собственную революционную идеологию, равно как и учение о собственной победе над мировым капиталом была изложена в классическом труде теории ленинизма «Что делать?», написанном В. Лениным в 1902 г.).

Еще до 1917 г. основоположник большевизма определил диктатуру пролетариата как неограниченное законом и опирающееся на насилие господство

пролетариата над буржуазией¹. Большеви́стская доктрина делала право институтом производным в значительно большей мере, чем все другие. Первичными относительно него определялись экономика и политика («концентрированное выражение экономики»): «В условиях социализма политика, базирующаяся на научном познании закономерностей общественного развития, является наибольшей организующей силой. Этим объясняется решающее влияние политики Коммунистической партии на развитие Советского государства и права» [9, 25].

Декларируя создание нового, советского, «пролетарского» права, большевики по существу деформализовали его, лишив единственного объективного, независимого от чьего-либо усмотрения знаменателя. Ведь право по своей сути должно быть единой для всего общества «системой координат» поведения, действий или бездействия всех вообще и каждого в частности. Общеизвестный в советские времена Декрет о суде № 1 «... допускал, как исключение, возможность использования старых законов, если они не отменены революцией и не противоречат революционной совести, революционному правосознанию» [9, 50]. Такая условность действия дореволюционных (имеется в виду Октябрьская революция 1917 г.) нормативно-правовых актов предоставляла любому субъекту применения революционного права максимальный простор для произвола: широта трактовки норм и применения законов была просто невиданной. При всей декларируемой демократичности советской власти как «проводника» диктатуры пролетариата такой субъект имел огромный (а по существу во многих случаях фактически неограниченный) объем дискретных полномочий, гораздо больший, чем, к примеру, генерал-губернатор в Российской империи.

Советская власть устанавливалась на территории современной Украины неоднократно. Несколько отличными были вопросы, под каким углом зрения относиться к классовым, а тем более национальным вопросам — ведь большевизм здесь не имел (и это на сегодняшний день можно считать доказанным) настолько основательной социальной базы, как на этнических русских землях. Однако инерция разрушения старого на просторах бывшей Российской империи была неудержимой — именно поэтому в процессах зарождения украинского национального государства национальный фактор слишком часто уступал социальному.

«В 1918—1920 гг. КП(б)У была неспособна самостоятельно прийти к власти, а тем более надолго удержаться у руля без материальной, военной, кадровой и организационной поддержки ленинского режима. Решить эту проблему, в частности, были призваны чрезвычайные органы власти, численность которых по состоянию на конец 1920 г. превосходила «представительные» органы — исполкомы Советов» [7, 412].

Хотя поначалу советская политическая доктрина базировалась на идеях разрушения пережитков буржуазного общества, в том числе права, вскоре стало очевидно, что без принятия соответствующих политико-правовых актов поступательное развитие государства, пускай даже построенного на принципах революционного насилия диктатуры пролетариата и нового понимания «пролетарского» права, является невозможным. Поэтому каждое «пришествие» советской власти на территорию Украины подлежало определенному документальному оформлению. Уже I Всеукраинский съезд советов, который состоялся

¹ Яркий пример схоластически-идеологического комментирования этих ленинских взглядов см.: [9, 3–70].

в Харькове в декабре 1917 г. и был по существу «катализатором» «интернациональной» помощи Украине со стороны победоносной советской России, конституировался в качестве высшего органа власти. Между созывами съезда его полномочия надлежало выполнять Центральному исполнительному комитету (далее — ЦИК), в состав которого входил 61 человек. Возглавил ЦИК украинский левый эсер Ю. Медведев, однако ни его самого, ни его однопартийцев украинский филиал партии большевиков к реальной власти не допустил.

Ленинская политико-правовая доктрина, основанная на теории диктатуры пролетариата, категорически отбрасывала понятие «буржуазной демократии», а следовательно и принцип разделения власти. Поэтому первое правительство советской Украины — Народный Секретариат (это название, как и государства в целом — УНР, безусловно, имело идеологическое задание запутать украинское крестьянство в его поддержке власти и понимании ее легитимности) — был признан одновременно высшим и исполнительным, и распорядительным органом [10, 261–262].

Брестский мир 1918 года стал фактором возобновления власти «украинской» УНР, фактически введенной еще УЦР, на всей территории Украины. «Триумфальное шествие советской власти» (высказывание В. Ленина) было здесь на время приостановлено. Как известно, УНР не оправдала надежд немецких и австрийских «союзников» (а по существу оккупантов). Вскоре на смену ей пришла Украинское Держава гетмана П. Скоропадского.

В условиях Гетманата и оккупационного режима подпольные организации большевиков стали во многих случаях ячейками повстанческой и стачечной борьбы. Хронологически восстание Директории против Гетманата совпадало с повстанческими действиями советских ревкомов. Созданное в Курске 28 ноября 1918 г. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины вытесняло местные органы власти Второй УНР, устанавливая свою власть. 14 января 1919 г. советская государственность на украинских землях конституировалась с новым названием — УССР. Оно сохранялось до 1937 г.

Начиная с 29 января 1919 г. правительство советской Украины стало именоваться СНК УССР, а руководители центральных ведомств — народными комиссарами. «Велась работа по организации выборов в местные Советы, проведению губернских и уездных съездов Советов, а также подготовке III Всеукраинского съезда Советов. В это время наблюдается постепенное превращение съездов местных Советов в съезды местных администраторов. Большевики рассматривали такие бюрократизированные Советы как наиболее приемлемую для них постоянную форму диктатуры пролетариата», — справедливо характеризовали события конца 1918 — начала 1919 гг. авторы академического курса истории государства и права Украины [11, 152].

III Всеукраинский съезд Советов начал свою работу в тогдашней столице советской Украины Харькове 6 марта 1919 г. Через четыре дня была принята первая Конституция УССР. Доминирующим положением этого документа было признание республики государством диктатуры пролетариата. Определяющей было положение ст. 1: «Украинская Социалистическая Советская Республика есть организация диктатуры трудящихся и эксплуатируемых масс пролетариата и беднейшего крестьянства для победы над их вековыми угнетателями и эксплуататорами капиталистами и помещиками» [12, 140].

О том, насколько отличались принципы и «стандарты» этой Конституции от традиционного понимания демократии, свидетельствует анализ предусмотренной нею избирательной системы. Весьма красноречивым здесь является вывод В. Румянцева: «Что касается ограничений в избирательном праве, то своими антидемократическими подходами Конституция УССР значительно превзошла Конституцию РСФСР 1918 г. В отличие от российской Конституции, которая определяла нормы представительства на Всероссийские съезды Советов, украинская Конституция таких норм не устанавливала, а относила вопрос установления порядка выборов на Всеукраинский съезд Советов к ведению ВУЦИК. Поэтому порядок выборов на каждый съезд определялся конкретным постановлением ВУЦИК. Таким образом, избирательное право не имело гарантий на конституционном уровне и отдавалось на откуп ВУЦИК, что давало последнему возможность манипулировать нормами представительства, зависимо от обстоятельств» [13, 298].

По нашему мнению, это исключительно важный методологический вывод. Он наглядно показывает двойственность советских государственно-правовых стандартов, когда прагматизм содержания власти превышал, казалось бы, неизбежные марксистско-ленинские постулаты.

Конституция УССР 1919 г. состояла из четырех разделов: раздел 1 — «Общие положения»; раздел 2 — «Конструкция советской власти»; раздел 3 — «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа Украины»; раздел 4 — «О гербе и флаге УССР». Таким образом, такого понятия как права человека эта Конституция не знала. В организации и деятельности высших органов управления не было разделения на ветви власти. Даже СНК имел право издавать законы [10, 267].

В Конституции УССР много внимания уделялось вопросам государственного строя. Государство определялось как республика Советов и их исполнительных комитетов. С принятием Конституции 1919 г. юридически оформилось существование независимой советской Украины. Но влияние РСФСР оставалось весьма значимым, поскольку присущий укладу большевистской партии демократический централизм с акцентом на вторую часть этого понятия переносился и на государственное строительство. Вместе с теорией разделения властей было отброшено как буржуазное и понятие местного самоуправления. Сформировалась знаменитая советская «матрешка» с вертикальной подчиненностью советов и их исполкомов. Цементировала эту систему большевистская партия Украины, которая с первого дня своего образования (июль 1918 г.) являлась ничем иным, как региональной организацией Российской коммунистической партии (большевиков).

Соответствующим образом выстраивалась система судопроизводства и судоустройства. Как и государство, право советской власти периода «военного коммунизма» было преисполнено чрезвычайщины, ориентировалось на революционную целесообразность и правовое сознание. Главное заключалось в понимании классовых интересов пролетарского государства, в классовой же зрелости и сознании лично обвинителя. В специальном положении, утвержденном декретом от 14 февраля в 1919 г., отмечалось: «При рассмотрении дел революционный трибунал не связан никакими ограничениями относительно способов открытия истины» (ст. 16). Такая норма фактически санкционировала произвол и несоблюдение элементарных прав человека. В этих условиях даже

наличие такой крепкой и дисциплинированной, цементирующей всю советскую систему, политической силы, которой была КП(б)У, не гарантировало защиты от местного «самоуправства». На практике оно выливалось не только в настоящее беззаконие под маской «революционной законности», но и в откровенно преступные проявления.

Советское гражданское право было весьма интересным явлением. Стремление перейти от товарно-денежных отношений к бестоварному продуктообмену (т. е. от рынка к распределению) привело к невиданному сужению предмета этой отрасли. На смену диспозитивному методу регулирования имущественных отношений пришел административный. Частное право вытеснялось публичным. «В декретах советской власти центральное место занимает институт права собственности. Владение и право на чужие вещи практически не вспоминается. Законодательство знает лишь две формы собственности: государственную и частную» [6, 129].

Доктринальной стала фраза В. Ленина из письма народному комиссару юстиции РСФСР Д. Курскому о том, что большевики не приемлют частного права в регулировании хозяйственных отношений, а признают лишь публичное. При этом под основным источником права понималось революционное правосознание, а отнюдь не классическое (римское) гражданское право. Характерно, что такое видение имело место в 1922 г., т. е. уже после того как государство официально провозгласило свертывание политики «военного коммунизма» и переход к новой экономической политике с ее рыночными механизмами.

Запрещалась частная торговля нормируемыми промышленными и продовольственными товарами. Советская власть боролась с кризисом в экономике путем поиска врагов и экспроприации излишков продукции у т. н. «нетрудовых» элементов. Продовольственная раскладка превратилась в настоящую реквизицию продовольствия у крестьян. С 1920 г. она была распространена на все продовольственные товары. «Буржуазное» наследственное право было отменено декретом СНК УССР от 11 марта 1919 г. Государство становилось единственным наследником умершего гражданина и принимало на себя лишь обязанности по содержанию его неработоспособных потомков.

В феврале того же года были изданы декреты Совнаркома УССР «Об организации отделов записей актов гражданского состояния», «О гражданском браке и о ведении книг актов гражданского состояния», «О разводе». Церковный брак отделялся от государства и признавался частным делом супружеской четы. Брак расторгался государственными органами по заявлению хотя бы одной из сторон.

Национализация помещичьих земель дала импульс формированию нового земельного права. Каждое пришествие советской власти сопровождалось обновлением государственной собственности на землю: «Содержание права государственной собственности заключается в определении советской властью общих правил владения и пользования землей. Запрещались гражданско-правовые соглашения касаясь земли. Только государство, которое стало исключительным собственником земли, имело право определять судьбу земли как объекта владения и пользования. Советское право, регламентируя порядок землепользования, продолжало содействовать развитию его коллективных форм» [11, 189].

Что касается трудовых правоотношений, то на Украину распространялось действие Кодекса законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 г. Названным документом были провозглашены всеобщая обязанность работать, право на труд и его оплату, а также обязанность соблюдения трудовой дисциплины. При этом в годы «военного коммунизма» наблюдалась милитаризация труда. Широкое распространение приобрели трудовая повинность и трудовые мобилизации. На предприятиях создавались условия, подобные военным частям. Декретом СНК УССР от 6 апреля 1920 г. был введен единый трудовой паек. До конца этого года огромное распространение приобрела натуральная оплата труда.

Большое внимание уделялось мероприятиям по укреплению трудовой дисциплины. Появилось понятие трудового дезертирства как злостного уклонения от трудовой повинности [10, 270–271].

Наиболее ярко принцип целесообразности проявился в советском уголовном праве. При вынесении приговора суд был обязан учитывать социальную, классовую принадлежность, как преступника, так и потерпевшего. Материальные нормы часто формировались хаотически, а органы революционного судопроизводства широко применяли объективное вменение, предусматривавшее возможность привлечения к ответственности без установления вины.

Источниками уголовного права изначально служили отдельные декреты СНК УССР, а с 4 августа 1920 г. на территории республики были введены «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», в которых содержались положения об уголовном праве и правосудии, стадиях совершения преступления, соучастии, действии уголовного закона во времени и пространстве. Уголовное наказание предусматривалось не только за законченное преступление, но и за само намерение его совершить.

Система наказаний включала: выговор, общественное порицание, принудительный курс политической грамоты, объявление бойкота, исключение из коллектива, отстранение от должности, лишение политических прав, объявление врагом революции или трудового народа, принудительные работы, лишение свободы, объявление вне закона, расстрел [14, 231]. Таким образом, смешивались административные взыскания и уголовная репрессия, а порой уголовным наказанием служили меры психологического воздействия.

Уголовное право защищало в первую очередь интересы государства как диктатуры пролетариата, а лишь затем — трудящихся. Наиболее ущемленными в правах здесь выступали представители так называемых эксплуататорских классов.

Криминально-процессуальные нормы были установлены Временным положением о народных судах и революционных трибуналах УССР от 20 февраля 1919 г., Положением о народном суде, принятым СНК УССР 26 октября 1920 г., Инструкцией о судопроизводстве НК юстиции от 3 июня 1919 г. [11, 194].

В этих актах были закреплены главные принципы, по которым осуществлялось уголовное судопроизводство, как в общих судах, так и в революционных трибуналах. Предварительное расследование политических преступлений должно было проводиться на протяжении 48 часов. Право обвиняемого на защиту в революционных трибуналах существенно ограничивалось. При оценке доказательств, как и при вынесении приговора, члены трибуналов руководствовались собственными убеждениями и революционным правосознанием. Приговоры трибуналов стали подлежать кассационному обжалованию только

после принятия Декрета СНК УССР от 16 апреля в 1919 г. «Об образовании Верховного Кассационного Суда». Согласно этому документу, кассационному обжалованию подлежали приговоры всех трибуналов, за исключением верховного при ВУЦИК.

В общих судах, которые именовались «народными» и рассматривали все дела, не отнесенные к юрисдикции революционных трибуналов, проведение предварительного следствия зависело от решения судьи. Народные заседатели имели равные права с судьями. Все возникающие вопросы решались простым большинством голосов. Только при рассмотрении дел о наиболее тяжких преступлениях обязательно присутствовали представители обвинения и защиты. В остальных случаях вопрос об их привлечении решал суд.

Положением о народном суде от 26 октября 1920 г. были определены следующие основания для отмены приговоров в уголовных делах:

- существенные нарушения форм судопроизводства;
- существенные нарушения или неправильное применение декретов;
- неполнота проведенного расследования;
- очевидная несправедливость приговора [10, 272–273].

Как видим, большинство этих оснований допускали широкую трактовку со стороны должностных лиц.

Гражданские споры решались только в судах. Потерпевшему, которому преступлением были причинены вред или убытки, предоставлялось право заявлять гражданский иск через народный суд либо при рассмотрении уголовного дела, либо же по его завершению, — в порядке гражданского судопроизводства. В связи с этим полностью разделяем мнение авторов академического курса истории государства и права Украины, которые указывают: «В период военного коммунизма гражданский имущественный оборот практически отсутствовал, а доля гражданских дел в судах была весьма небольшой. Гражданские дела в судах рассматривались редко и сводились к незначительным (по объему исковых претензий) спорам между отдельными гражданами. В результате запрета операций с недвижимостью, изъятия из гражданского оборота многих предметов домашнего пользования, а также перехода на плановое распределение продуктов почти полностью исчезли предпосылки для применения имущественных взысканий и удовлетворения претензий отдельных личностей. Этим объясняется сравнительно небольшое количество специальных нормативных актов по вопросам гражданского судопроизводства» [11, 196].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917 г.). — М., 1965.
2. Ярмиш О. Н., Головки О. М. Харківське міське самоврядування на зламі століть : XIX–XX і XX–XXI. Досвід історії та сучасності. — Х., 2004.
3. Мулукаев Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920 гг.). — М., 1975.
4. Ярмиш О. Н. Карательный аппарат самодержавства в Украине (1895–1917). — Х., 2001.
5. Раззаков Ф. И. Бандиты времен социализма (Хроника российской преступности 1917–1991 гг.). — М., 1997.
6. История отечественного государства и права : учеб. / под ред. О. И. Чистякова. — М., 1997. — Ч. 2.
7. Яневський Д. Політичні системи України 1917–1920 років : спроби творення і причини поразки. — К., 2003.
8. Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. — Т. 5.

9. *Чиквадзе В. М.* Роль В. И. Ленина в создании советского социалистического права // Вопросы советского государства и права. — М., 1957.
10. *Музиченко П. П.* Історія держави і права України : навч. посіб. — К., 2006.
11. *Історія держави і права України* : підруч. : у 2 т. / за ред. В. Я. Тація, А. Й. Рогожина. — К., 2000. — Т. 2.
12. *Хрестоматія з історії держави і права України*. : навч. посіб. для юрид. вищ. навч. закл. і ф-тів. — К., 1997. — Т. 2 : Лютий 1917–1996 рр.
13. *Румянцев В. О.* Українська державність у 1917–1922 рр. : національно-демократична і радянська альтернативи : дис. ... д-ра юрид. наук. — Х., 1998.
14. *Іванов В. М.* Історія держави і права України. — К., 2003.

Ярмыш А. Н. Становление основ советского права (1917–1920)

Аннотация. В статье рассмотрено становление основ советского права, которое утвердилось на украинских землях в силу объективно сложившихся предпосылок.

Ключевые слова: система права, советское право, гражданское право, уголовное право.

Iarmysh A. Origin of the Foundations of Soviet Law (1917–1920)

Annotation. The paper considers the formation of the foundations of Soviet law, which established in the Ukrainian lands in virtue of objectively developed certain prerequisites.

Key words: system of law, Soviet law, civil law, criminal law.